

К 90-летию со дня рождения В. В. Маяковского

НАВЕРНОЕ, не было и нет такого другого поэта в нашем двадцатом столетии, вокруг творчества, жизни, имени которого кипело бы столько страстей.

Владимир Владимирович Маяковский.

19-го июля ему бы исполнилось 90 лет — в общем-то вполне возможный срок человеческой судьбы, а он уже давно стал достоянием Истории, всей многотысячелетней человеческой культуры. И в то же время его стихи, его поэмы и пьесы, его публицистика, вся его поэтическая концепция остаются частью нашей современной действительности, о них спорят, их хвалят и обсуждают так, как будто они написаны сегодня. И в той острейшей идеологической борьбе за людские умы, которая с небывалой силой развернулась сейчас в мире, он — один из самых активнейших и действенных участников.

Творчество Владимира Маяковского всегда раздражало тех, кто не принимал нашу идеологию, тех, кто пытался стать в стороне от жгучих проблем действительности, стремился укрыться в оболочку политической индифферентности или политического инфантилизма.

О существе творческой эволюции Владимира Маяковского хорошо сказал известный исследователь его творчества, куйбышевский литературовед И. М. Машбиц-Веров в книге «Во весь голос»: «Труден был путь поэта: от стихийного бунтарства — к пролетарскому революционаризму; от утопической мечты — к осмыслению социализма как «делаемого дела», от крика: «Я весь боль и ушиб» — к ощущению Страны Советов как всеобъемлющего «Хорошо!». Но, как ни сложны были этапы развития Маяковского, — это всегда этапы искания счастья для человека».

Путь политической борьбы поэт начал в рядах самой революционной партии — большевистской, в которую он вступил пятнадцать лет. А вот первые шаги его в русскую поэзию были осложнены сближением с одной из многочисленных в предреволюционные годы модернистских группировок — с кубофутуризмом.

Об этом не следует забывать всем, кто пытается осмыслить опыт поэта: нельзя думать, что только после Октября пришел он к революции, к выбору пути он был подготовлен; с другой стороны, помня о сложностях его поэтических исканий, надо всегда помнить об огромном таланте поэта-реалиста, который чем дальше, тем больше не вмещался в прокрустово ложе футуризма, хотя определенное влияние этого модернистского течения поэт испытывал на себе достаточно долгое время...

Он еще в период близости к футуризму со всей определенностью заявил: «Нам слово нужно для жизни. Мы не признаем бесполезного искусства». И он подчинил

«НАМ СЛОВО НУЖНО ДЛЯ ЖИЗНИ»

свое слово жизни народа, видя в этом единственную пользу поэзии. Маяковский превратил поэзию в активную участницу митингов, демонстраций, диспутов. Стихи вышли на площадь, обратились к колоннам демонстраций. «Улицы — наши кисти. Площади — наши палитры», — и это были не просто яркие метафоры, это было жизненной и творческой установкой.

Уже в поэтохронике «Революция», написанной в Петрограде 17 апреля 1917 года, Владимир Маяковский утверждал:

*Граждане!
Сегодня рушится
тысячелетнее «Прежде».
Сегодня пересматривается
миров основа.*

*Сегодня
до последней пуговицы
в одежде
жизнь переделаем снова.*

Потом появляются «Ода революции», «Наш марш», где поэт со всей определенностью заявляет: «Наше оружие — наши песни», и поэт, несмотря на отдельные свои словесные заявления и формалистические издержки, объективно навсегда уходит от футуризма, сознательно поставив свое творчество на службу народу Страны Советов, авангар-

ду пролетариата — партии большевиков.

Уже поэма «150.000.000» (1919—1920 г.г.) была задумана как «былина об Иване» — русском народе, совершившем подвиг всемирного значения. И, хотя поэма не сыграла той роли, на которую поэт рассчитывал, она тем не менее имела серьезное значение как для эволюции собственно Маяковского, так и для развития всей советской поэзии, как попытка создания эпического произведения на совершенно новом революционном материале.

Живого, конкретного воплощения образа человека нового мира Маяковский достиг в своей бессмертной поэме «Владимир Ильич Ленин». «В личности и деятельности Ленина поэт революционер, — пишет литературовед А. Метченко, — искал (и нашел) ответ на вопросы, неотступно вставшие перед ним с самого начала творческого пути: о человеке, его сущности и назначении, месте в мире, о его счастье и преодолении трагического в жизни. «Что он сделал, кто он и откуда — этот самый человек?»

Поэма — произведение воистину эпическое, пронизана высоким лиризмом, ибо «Я» поэта-человека, потрясенного

смертью великого вождя пролетариата, сливается здесь с чувствами всего народа-исполина, который прокладывает для человечества невиданные в истории пути.

*Время —
начинаю
про Ленина рассказ.
Но не потому,
что гора
нету более,
время
потому,
что резкая тоска
Стала ясною
осознанною болью.
Время,
снова
ленинские лозунги
развихрь.
Нам ли
растекаться
слезной лужею, —
Ленин
и теперь
живее всех живых.
Наше знание —
сила
и оружие.*

Поэт, создавая эту поэму, ощутил самое высокое, вершинное чувство истинного художника — чувство слияния со своей Родиной, со своим народом: «Я счастлив, что я этой силы частица, что общие даже слезы из глаз». Люди «ленинской выправки» — это огнь для него лучшие люди эпохи, они — олицетворение этой эпохи!

Дальнейшим развитием всех творческих завоеваний поэта, к которым он пришел в поэме «Владимир Ильич Ленин», явилось его классическое произведение «Хорошо!», написанное к 10-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, в котором с беспредельной поэтической силой воссоздана картина становления нового мира, формирования нового человека — человека эпохи социализма.

*И я,
как весну человечества,
рожденную
в трудах и в бою,
пою
мое отечество,
республику мою!*

О театральной стороне его деятельности хорошо сказал один из реформаторов нашего театра Вс. Мейерхольд: «Он был человеком большой культуры, который превосходно владел языком, превосходно владел композицией, превосходно распоряжался сценическими законами: Маяковский знал, что такое театр. Он умел владеть театром... Я могу с уверенностью сказать и говорю это с полной ответственностью: Маяковский был подлинным драматургом, который не мог быть еще признан.

потому что он перехватил на несколько лет вперед».

Размеры газетной статьи не дают возможности в полной мере сказать о его новаторских достижениях в кино, плакате, сатире, публицистике. Но об одном хотелось бы сказать чуть побольше — о его лирике, которая пронизывает все поры творчества поэта. Я бы сказал, что его публицистика насквозь лирична, а лирика в самом высоком смысле этого слова — публицистична! Вспомните его поэмы «Люблю», «Про это», вступление к поэме «Во весь голос»... — В них накал страстей и личностное восприятие мира ничуть не меньше, а во многих отношениях больше, на более высокой ступени профессионального и социального осмысления, чем в поэмах «Облако в штанах» и «Флейта — позвончик».

*Ты посмотри,
какая в мире тишь!
Ночь обложила небо
звездной данью.
В такие вот часы
встаешь и говоришь
векам, истории и
мирозданию...*

Говоря с любимой, поэт одновременно говорил с «веками, историей и мирозданием»...

Огромно влияние поэзии Владимира Маяковского на всю мировую поэзию, на всю литературу XX века. Вот что говорит известный болгарский поэт Гергрий Константинов: Маяковский «при-

ципально новый поэт, как новая эпоха, вдохновившая его. Именно поэтому голос его вызвал такой резонанс в пространстве и времени. Целая плеяда известнейших поэтов XX века в большей или меньшей степени родственна ему: Луи Арагон и Пабло Неруда, Янис Ридос и Николаас Гильен, Гео Милев и Никола Ванслов...»

Маяковский был поэтом, в котором, по выражению А. М. Горького, «ярко выражено русское национальное начало». В то же время его творчество глубоко интернационально. Он верил в подлинного, истинного человека, к какой бы национальности он ни принадлежал.

Грузинский поэт Тициан Табидзе писал о Маяковском:

*Он не остался
в долгу перед веком,
Каждым шагом
и каждым жестом
Дрался за то,
чтоб быть человеком,
Звание поэта
пронес над веком.*

Перелистайте страницы любой поэтической судьбы в огромных владениях советской поэзии, и вы обязательно найдете слова, обращенные к Владимиру Маяковскому. Он всегда с нами. Он по-прежнему на передовой линии борьбы за завтрашний день, за человеческое счастье.

Борис СОКОЛОВ.

ПАМЯТНЫЕ ВСТРЕЧИ

Владимир Маяковский приехал в Самару в конце января 1927 года и пробыл здесь два дня. 25 числа у него было четыре выступления. На заключительном из них в помещении партийного клуба (Советская 100, ныне Куйбышевская) мне и посчастливилось побывать. Накануне поэт встречался с рабфаковцами, рабкорами, учителями.

Зал вмещал человек около двухсот, заполнен он был до отказа. И вот — Маяковский на эстраде. На небольшой площадке — стол, стул. Маяковский снял пиджак, повесил его на спинку стула.

Внешность поэта... Он еще и говорить не начал, а сразу, одним своим видом вызвал восхищение. Высокий, плотный, ловко сложенный. Мужественно-красивое лицо.

Услышав первую прочитанную им строку стиха, уже невозможно оторваться, уже боишься пропустить хотя бы одно слово. Запоминались броские, совершенно новые, неожиданные рифмы —

*Я родился,
рос,
кормили соскою, —
Жил,
работал,
стал староват...
Вот и жизнь пройдет,
как прошли
Азорские острова.
Сильным, красивым и гармоничным был тембр его голоса. Читал он стихи увлеченно. Остались в памяти «Шесть монахинь», «Испания». Поражая своей парадоксальностью, прозвучали заключительные строки «Испании»:*

*Кастаньеты гонят сонь.
Визги, пень, страсти.
А на что мне это все?
Как собаке — здрасьте!*

Читал он мастерски. Слушая Маяковского, у многих наверняка возникал вопрос: «Почему, откуда пошла молва, что стихи Маяковского непонятны? Теперь-то ясно, до чего они понятны. И дело ведь не только в том, что он сам хорошо читает. Нет, это — предельно ясные стихи!».

Он читал в этот вечер много, старательно, хотя полагалось бы ему быть усталым после трех выступлений. Но постоянное стремление поэта делать свое дело безукоризненно — вот истоки сил его. Казалось, голос его заполнял весь зал и каждого слушателя словно завораживал.

И еще одна легенда его недругов рухнула в этот вечер — что Маяковский неуважительно относится к классикам. Трудно передать, с какой любовью говорил он о Пушкине, читал его стихи, особенно из «Онегина». Он просто упивался, повторяя любимые им строки. Особенно мне запомнилось, как читал Маяковский отрывки из

восьмой главы «Евгения Онегина». И вот эту строфу:

*Я знаю: век уж мой
измерен;
Но чтоб продлилась
жизнь моя,
Я утром должен быть
уверен,*

Что с вами днем увижусь я. — Кто еще в русской и мировой поэзии, — говорил Маяковский — сумел так потрясающе сказать в нескольких строках о силе любви?! Вы только подумайте — для человека это вопрос жизни, когда он думает утром, увидит ли любимую женщину днем! Выше этих строчек не бывает. Это предел описания влюбленности.

Слушаешь поэта и считаешь себя счастливым, что прикоснулся к его большому, великолепному искусству, к его мыслям, мастерству.

В одной из многочисленных записок поэта попросили продекламировать хотя бы отрывок из «Облака в штанах». Маяковский ответил: «Я не декламирую, а читаю стихи». Это была истина. В его чтении ничего не было от присущей декламации напыщенности, ложного пафоса.

Спрашивали Маяковского о его отношении к стихам советских поэтов. Он стал говорить о стихах Михаила Светлова, с большим воодушевлением читал «Гренаду».

Когда вечер закончился, мы, группа молодежи, ждали Маяковского на улице. Он вышел. Задавали вопросы и здесь — будет ли еще и где выступать, куда поедет из Самары.

Другой раз я видел Владимира Маяковского в апреле 1928 года в Москве, в доме Герцена — на Тверском бульваре. Он зашел в дом, где тогда помещались московские литературные организации. В тот весенний день я был там с группой литераторов, приехавших из Самары на Первый Всесоюзный съезд пролетарских писателей — Николаем Сазоновым, Ильей Либензоном, Всеволодом Лукиным.

Те два часа в январе в Самаре пролетели, как одно мгновение. Они оставили память о Владимире Маяковском такую яркую, что не гаснет она никогда.

М. КЛИПИНИЦЕР.
Куйбышев — Оренбург.